

*И. М. Макаренко,
аспирант кафедры культурологии
Белорусского государственного
университета культуры и искусств*

ПРОБЛЕМА ИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ В КУЛЬТУРЕ ПОСТМОДЕРНА

Мировое сообщество все более и более волнуют вопросы состояния природной экосистемы. В результате нерационального использования природных ресурсов и автогенных катастроф окружающая биосфера становится все более непригодной для жизнедеятельности. Однако не менее важным для существования человека является состояние культурной экосистемы, обеспечивающей личность информационными паттернами, на основании которых складывается картина мироздания, определяющая не только место человека в мире, но и сущностный образ человека.

Беспрецедентно бурное развитие и не менее интенсивное использование технического потенциала в XX – начале XXI в. позволило ощутимо ясно осознать, что улучшение условий существования телесной субстанции человека не может удовлетворить личность в ее глубинном поиске идентичности и смысла. Неспособность культурной среды удовлетворить ментальные потребности человека сигнализирует о возникновении ситуации культурноэкологического кризиса: в процессе инкультурации личность не получает необходимые ей мировоззренческие компоненты, что приводит к актуализации проблемы самоидентификации, являющейся характерной для постмодернистского культурного пространства.

Так, Ю. Кристева отмечает, что «все чаще слышатся жалобы людей, причем самых трезвомыслящих, на то, что они буквально не знают, кто они есть», – содержание их жизни сводится к тому, что они «как бы “делегируют” персонажей на сцену своей деятельности – в том числе пассионарной, любовной, хотя чаще общественной и профессиональной» [6, с. 14]. Заметим, что процесс самоидентификации гносеологичен по своему характеру (обладая адекватным понятийным отражением самого себя, человек соотносит это отражение с системой знаний о внеположенном ему объективном мире) и возможен лишь при существовании

универсального гносеологически легитимного понятийного поля. Если последнее отсутствует, человек, как отмечает Ф. Шеффер, «лишается универсалий, способных покрыть единичности его души», что приводит его к состоянию, когда он «начинает стенать: “Кто я такой!?”» [8, с. 322–323]. По мнению философа, современный человек утратил надежду «найти некую универсальную обусловленность, чтобы положить ее в основу своего мировоззрения как универсальный принцип, способный объяснить знание и жизнь» [7, с. 25].

Причина этого – парадигмальный гносеологический пессимизм постмодерна, исключающего наличие связи вербальных знаков с онтологической реальностью в силу невозможности когнитивного овладения последней. Отрицание постмодернистской философией познавательного прорыва в рамках знакового комплекса к сектору означаемого приводит к автономизации означаемого сектора, что не позволяет легитимировать до степени абсолютного никакое языковое понятие. А поскольку мир культуры теснейшим образом коррелирует с миром языка, то культурное пространство, в рамках которого протекает процесс инкультурации индивида, и в частности процесс личностной идентификации, становится релятивным и, согласно постмодерну, виртуально-иллюзорным. В результате взаимодействия с языковой средой обретает статус эфемерного и феномен личности, которая рассматривается в постмодернизме как структурированная по законам художественного нарратива. Так, П. Клоссовски отмечает, что, «упраздняя себя вместе с идентичностями, язык, избавленный от всех понятий, отвечает уже не бытию» [5, с. 84], а следственно, не отвечает бытию и личность, обозначенная посредством языковых структур. А в силу того, что в тексте, по Р. Барту, все «находится в процессе ежесекундного и многократного означивания, но при этом никак не сопряжено с итоговым целым, с завершенной структурой» [1, с. 55], личное сознание, отождествленное с текстом, также может рассматриваться лишь как бесструктурно-хаотичное явление.

К аналогичному выводу приходит и И. П. Ильин. Анализируя феномен восприятия «сознания как текста, структурированного по законам языка», и организации «его как художественного повествования», он отмечает, что и «сама личность в результате своего художественного обоснования приобретает те же характеристики литературной условности, вымышленности и кажимости, что и любое произведение искусства» [3, с. 99–100].

Постмодернистские концептуальные трансформации затрагивают и внутриличностное пространство. Анализируя тенденции современности, А. Генис отмечает, что «вселенная опять срастается в мир, напоминающий об архаическом синкретизме, не умеющем отделять объект от субъекта, дух от тела, материю от сознания, человека от природы» [2, с. 210]. Это созвучно с мнением И.П. Ильина, который подчеркивает, что, вопреки традициям классической философии, которая «разрывала дух и плоть, конструируя в “царстве мысли” автономный и суверенный трансцендентальный субъект как явление сугубо духовное, резко противостоящее всему телесному, <...> усилия многих влиятельных мыслителей современности <...> направлены на теоретическое “скрещивание тела с духом”, на доказательство постулата о неразрывности чувственного и интеллектуального начал» [4, с. 84–85]. Обозначенное выше – следствие преобразований стратегического масштаба, таких как отход от мышления, опирающегося на бинарные оппозиции, утрата субъект-объектного противопоставления, иррационализм, коренным образом влияющих на понимание ментальных структур и процессов внутри личности. Отступление от основанного на методе антитезы рационалистического мышления приводит к исчезновению разделительной черты между явлениями и становится одной из причин идентификационного кризиса, поскольку фундаментальным шагом личностной идентификации является отделение себя от окружающего мира, то есть вхождение в антитетическое противопоставление, где Я \neq не-Я.

Таким образом, отсутствие в культуре постмодерна гносеологически достоверного понятийного поля приводит к различным девиациям в процессе личностной идентификации. Человек лишился универсалий, способных стать его идентификационным основанием и сделать возможным определение тождественности личности. Деформирующее влияние постмодернистской парадигмы сказывается также на внутриличностном пространстве: исчезает опора на антитетическое противопоставление, что является исходной предпосылкой, логические следствия которой – слияние чувственного и рационального начал, а в конечном итоге и методологическая невозможность отделения Я от не-Я.

Столкновение с описанными проблемами определило актуализацию научного поиска путей выхода из создавшегося

когнитивно-аксиологического положения. Результатами подобных исследований явились предложенные современной культурой программы пост-постмодернистского ее реформирования, в частности проект неоклассицизма, направленный на возвращение к утраченным смыслам и значениям (начиная от М. Готдинера), и коммуникационный проект (начиная от К.-О. Апеля).

1. *Барт, Р. S/Z* / Р. Барт. – 3-е изд. – М.: Академ. проект, 2009. – 373 с. – (Философские технологии. Структурализм).

2. *Генис, А. Вавилонская башня* / А. Генис. // Иностранная литература. – М., 1996. – № 9. – С. 206–251.

3. *Ильин, И.П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа* / И.П. Ильин. – М.: Интрада, 1998. – 255 с.: ил.

4. *Ильин, И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм* / И.П. Ильин. – М.: Интрада, 1996. – 255 с.

5. *Клоссовски, П. Симулякры Жоржа Батая* / П. Клоссовски // Танатография Эроса. Жорж Батай и французская мысль середины XX века. – СПб.: Мифрил, 1994. – С. 79–89.

6. *Кристева, Ю. Ответы на вопросы редакции журнала «Диалог. Карнавал. Хронотоп»* / Ю. Кристева // Диалог. Карнавал. Хронотоп. – Витебск, 1995. – № 2. – С. 5–17.

7. *Шеффер, Ф. Бог Сущий* / Ф. Шеффер // Он здесь, и Он не молчит: избранное: пер. с англ. – СПб.: Мирт, 2002. – С. 1–178.

8. *Шеффер, Ф. Он здесь, и Он не молчит* / Ф. Шеффер // Он здесь, и Он не молчит: избранное: пер. с англ. – СПб.: Мирт, 2002. – С. 247–347.